

Распущенные длинные волосы — это всё же неудобно, а поскольку Су Яньи не терпел прикосновений посторонних, ему оставалось лишь самостоятельно взяться за гребень из нефрита, чтобы собрать свои густые чернильные пряди в причёску.

Увы, он, похоже, не слишком умел это делать. Провозившись почти полчаса и так и не добившись желаемого результата, он в раздражении отшвырнул гребень, дернул запутавшиеся волосы и выплеснул гнев на Цзи Чжаохэна, стоявшего поодаль:

— Что за дрянные гребни у вас в мире бессмертных?

Наблюдая за действиями Су Яньи, Цзи Чжаохэн находил даже эту его вспыльчивость невероятно притягательной — это вызывало одновременно умиление и жалость. Он подошел ближе и мягко произнёс:

— Давай я помогу.

На сей раз Су Яньи не стал отказывать в лоб. Хотя по его лицу невозможно было прочесть, доволен он или разгневан, Цзи Чжаохэн понял, что тот согласен.

Встав за спиной Су Яньи, Цзи Чжаохэн взял со стола нефритовый гребень и принялся бережно и осторожно распутывать пряди, которые хозяин превратил в сплошной колтун, боясь, что малейшее резкое движение причинит ему боль.

Шелковистые волосы после недавних попыток их уложить спутались в узлы, так что Цзи Чжаохэну пришлось потратить немало времени, чтобы привести их в порядок.

Его движения были настолько мягкими, что Су Яньи не почувствовал боли, а напротив, начал клевать носом и незаметно для себя прислонился к груди Цзи Чжаохэна.

Они оказались так близко, что Цзи Чжаохэну стало не слишком удобно двигаться, но он не решился отстраниться — ведь этот человек впервые проявил к нему такую полную зависимость.

Из-за того, что Цзи Чжаохэн намеренно замедлил движения, простая причёска заняла добрых полчаса.

Наконец он достал серебряную шпильку с инкрустированным лотосом и аккуратно закрепил ею собранный пучок волос.

Глядя в бронзовое зеркало на это холодное, прекрасное лицо, Цзи Чжаохэн не смог сдержать нахлынувших чувств.

Сейчас человек, о котором он грезил каждую минуту, беззащитно покоился в его объятиях, прикрыв глаза, словно уснул. Длинные ресницы, точно опахала, отбрасывали тень на веки, а

чуть ниже виднелись пухлые, нежно-розовые губы.

В таком виде он казался совершенно безобидным — где же тот прежний надменный и непокорный человек?

Смирение — это качество, которое Цзи Чжаохэн не мог постичь и за сотню лет. Он придержал затылок Су Яньи, наклонился, и поцелуй, мягкий, словно весенний дождь, коснулся его губ.

Су Яньи резко распахнул глаза. Не успел он разгневаться, как Цзи Чжаохэн властно и даже грубо разомкнул его зубы.

В пылу сплетения губ и языков Цзи Чжаохэн почувствовал острую боль: человек в его объятиях впился зубами в его губу, не проявляя ни капли жалости. Даже почувствовав вкус крови, Цзи Чжаохэн не захотел отстраняться.

Неизвестно, от ярости или от нехватки воздуха, но лицо Су Яньи, подобное нефриту, залилось краской. Рот был полон солоноватого привкуса крови, что вызывало у него одновременно отвращение и гнев. С трудом он оттолкнул его от себя.

Не раздумывая, он с размаху влепил Цзи Чжаохэну пощечину и прорычал:

— Бешеная собака!

Уголок губ Цзи Чжаохэна был в крови. Пощечина Су Яньи была быстрой и хлесткой — пусть он и не использовал духовную силу, но на лице Цзи Чжаохэна тут же проступил отпечаток ладони, а щека на глазах начала опухать.

Он вытер кровь с губ и опустил взгляд, скрывая мрачное, нечитаемое выражение глаз.

Су Яньи, увидев это, испугался, что тот снова начнет безумствовать, как прежде, и, прикрыв рот рукой, пробормотал:

— Больно...

В его голосе больше не было отвращения, лишь нотка обиды. Он уже понял, как именно нужно управлять Цзи Чжаохэном.

Разумеется, тот, услышав это, тут же присел на корточки, поднял взгляд и с виноватым видом произнёс:

— Прости. Дай я посмотрю.

В глазах Цзи Чжаохэна, обращенных к Су Яньи, читались безграничная нежность, смешанная

с неловкостью и раскаянием. Он корил себя: как только всё начало налаживаться, он снова не смог сдержать порывы?

Су Яньи не стал больше злиться из-за этого — в конце концов, если бы он гневался на каждый поступок этого человека, то давно бы уже сошел в могилу от ярости.

Протянув длинный указательный палец, он коснулся своих губ и недовольно бросил:

— Ты человек или пёс? Кожу прокусил, ужасно больно.

В этом тоне сквозило раздражение, но в то же время проскальзывали неожиданные капризные нотки. Для Цзи Чжаохэна это прозвучало как кокетство, от которого у него задрожали поджилки.

Словно не замечая странности в поведении Су Яньи, он тут же достал целебную мазь высшего сорта, набрал немного на мизинец и бережно нанёс на его губы.

Закончив, Цзи Чжаохэн мягко проговорил:

— Моя вина. А-Янь может наказать меня как пожелает.

Его взгляд был прикован только к Су Яньи. Всего за одну ночь отношение этого человека к нему кардинально изменилось — как он мог не заметить неладного? Но он был готов принимать это, даже если это яд.

Су Яньи сидел перед бронзовым зеркалом, повернувшись лицом к Цзи Чжаохэну, который опустил на одно колено, чтобы удобнее было смазывать губы.

В этой позе Су Яньи оказался выше, а Цзи Чжаохэн выглядел покорным и заискивающим.

Су Яньи скользнул взглядом по его лицу, озаренному мягкой улыбкой, и в глубине души шевельнулось странное, едва уловимое чувство.

При нынешнем статусе Цзи Чжаохэна в мире не осталось никого, перед кем он должен был бы склонять голову. Но перед ним он добровольно лишает себя всякого достоинства. Неужели это и есть то, что называют любовью?

При этой мысли Су Яньи не почувствовал трогательности, лишь охватил безотчетный страх. Эта так называемая любовь заставила великого Бессмертного почтенного пасть так низко? Как же это ужасно!

К счастью, он никогда не верил в подобные иллюзии, стремясь лишь жить легко и свободно.

Сейчас, желая проверить границы дозволенного, он преодолевая боль, поднял ногу и босой ступней уперся Цзи Чжаохэну в плечо, склонив голову набок:

— Наказать тебя? Хорошо. Тогда наказываю тебя быть моим псом. Согласен?

После нескольких дней лечения раны на ногах затянулись, но перерезанные сухожилия не позволяли ему ходить.

От такого резкого движения раны, конечно, отзывались болью, но что значила эта боль по сравнению с пережитым унижением?

Произнеся эти оскорбительные слова, он почувствовал невероятное облегчение. Он был уверен: даже у самого терпеливого человека лопнет терпение, если его так унизят, втоптав в грязь.

Однако тот не только не разозлился, но, улыбаясь, обхватил его щиколотку и поцеловал ярко-красную родинку на коже.

Кожа там была белее снега, а родинка на подъеме стопы, ближе к щиколотке, горела, словно киноварь.

Подобный жест Цзи Чжаохэна напугал его настолько, что он тут же попытался отдернуть ногу.

Сердце сковал холод. Он смотрел на Цзи Чжаохэна так, словно перед ним был извращенец с патологическими наклонностями. Теперь он не сомневался: если он даст этому человеку пощечину, тот, скорее всего, еще и лизнет его ладонь.

подавив отвращение, Су Яньи поболтал безвольными ногами и начал выпроваживать гостя — он решил, что на сегодня спектакля достаточно, и больше не хотел видеть эту физиономию перед глазами.

Цзи Чжаохэн, терзаемый чувством вины, боялся снова вызвать его неудовольствие. Поэтому он послушно перенес его обратно на кушетку, нашел несколько народных книжек с картинками и оставил их, чтобы Су Яньи не было скучно.

Сегодняшний день стал хорошим началом. Он понимал, что нужно действовать постепенно, спешка здесь ни к чему.

И всё же, уходя, он позвал Шэнь Синланя — неясно, то ли для охраны, то ли для других целей.